

**ПРЕЗИДЕНТСКИЙ
СПЕЦНАЗ**

Александр
ТАМОНИКОВ

ШЕСТНАДЦАТЬ
ПРОТИВ ТРЕХСОТ

Москва 2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Шестнадцать против трехсот / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Президентский спецназ: новый Афган).

ISBN 978-5-04-106679-6

Книга основана на реальных событиях.

К Алеппо рвется мощная группировка боевиков. Сирийские войска не в силах сдержать натиск и вынуждены обратиться за помощью к российскому командованию. В район боевых действий срочно направляется группа «Альфа» подполковника Даниила Авилова. Ее задача — навести на ключевые объекты противника самолеты наших ВКС и подавить наступление. Основной бой разгорается за стратегически важную высоту, которую вместе с российским спецназом удерживает сирийский батальон. Все усилия бандитов тщетны — высота неприступна. Внезапно положение меняется: сирийцы неожиданно отступают, оставив шестнадцать альфовцев противостоять трем сотням разъяренных головорезов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А. А., 2019
© Оформление.

ISBN 978-5-04-106679-6

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ОТ АВТОРА

Книга основана на реальных событиях. Но так как информации по боям шестнадцати российских спецназовцев против трехсот боевиков Аль-Нусры немного, в основном короткие, лаконичные рассказы самих офицеров группы спецназа, сдержанные комментарии, я попытался, прибегая к воображению, создать картину боя, с моей точки зрения приближенную к той, что могла иметь место у Алеппо. В книге применено название группы — «Альфа». И это тоже оттого, что данные по российской группе не разглашаются. Это понятно и объяснимо. Подобные подразделения строго засекречены. В тексте сохранены только имена и звания, которые публиковались в прессе. Почему я, не имея полной и достоверной информации по данному событию, решился на создание книги? Ответ прост — о таких парнях, об истинных героях и гордости нашего государства, обязательно должны быть написаны книги, сняты фильмы. Чтобы все знали, какие офицеры служат в нашей армии, чтобы было понятно, и на Западе

в том числе, что, пока у страны есть такие офицеры, как Даниил, Евгений, Роман и Вячеслав, Россия непобедима.

Я заранее приношу извинения, если чем-то и кому бы то ни было нанес моральный ущерб, не имея к этому ни малейших намерений. Также я выражаю свое искреннее восхищение подвигом шестнадцати офицеров российского подразделения специального назначения.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На южном склоне перевала Гази в эту ночь гулял холодный пронизывающий ветер. Люди в камуфлированной форме поднимались по тропе тяжело. Порывы воздуха, смешанные с пылью и мелкими песчинками, накрывали затерянную среди камней, валунов и жидкого колючего кустарника тропу, заставляли идущих опускать голову, иначе посечет лица. К земле тянули и увесистые ранцы, которые были у шести из двенадцати человек, поднимавшихся на хребет. Идущий впереди дозор вышел на террасу в нескольких десятках метров от вершины, остановился. Командир, мужчина лет сорока, подошел к старшему дозора:

— Что, Марат?

— Терраса.

Командир взглянул на дозорного:

— По-твоему, я ослеп от этого проклятого ветра? Вижу, что терраса, почему остановились?

— Дело в том, господин Баршан, что здесь самое удобное место сделать привал.

— Почему не на вершине?

Ответил второй дозорный, он же проводник, Георгий Станадзе:

— Вершина перевала представляет собой узкую полосу каменной гряды, которую прорезает тропа, дальше довольно крутой спуск до Красного ущелья, а там недалеко погранпост. Следовательно, либо отдохнуть здесь, либо идти без остановки прямо в аул Бурнай. А это двенадцать километров. Конечно, решение принимать вам, но люди устали, да еще этот ветер. Хватит ли у них сил пройти весь маршрут без остановки? К тому же надо выслать разведку на северный склон, посмотреть границу.

Подумав, командир отряда Санар Баршан согласился:

— Хорошо, привал два часа.

Он кивнул помощнику, и тот оповестил людей, выходявших на террасу, об отдыхе.

Баршан предупредил:

— Никаких костров, никакого огня спиртовок, проголодавшимся есть галеты с водой. По нужде далеко не отходить, в случае острой необходимости подсвечивать местность фонарями.

Его наемники разошлись по террасе, сняли ранцы, рюкзаки, развернули кошмы, устроились на отдых. Никто в темноту кустов не пошел, как и не прикоснулся к сухпаю. Просто сняли с себя все и легли на кошмы.

Подъем на перевал вымотал даже подготовленных наемников.

Баршан сказал проводнику:

— Разведка, говоришь, нужна? Правильно говоришь. Вот и пойдешь во главе разведгруппы. С собой возьми Али Казоева и Виктора Лупко. Пройдите до границы, посмотрите, что там. «Коридор» в принципе открыт до рассвета, но кто знает, что могло со вчерашнего дня произойти в погранотряде и на заставе. Сигнал тревоги через радиостанции. По рации и доклад, но короткий, не следует забивать эфир.

— На четвертой заставе, пост которой контролирует ущелье, средств радиотехнического контроля нет, — ответил Станадзе.

Командир отряда, а проще, главарь банды, имевшей задачу проникновение на территорию Дагестана с последующим проведением ряда террористических актов в Махачкале, взрывчатка для которых и находилась в шести ранцах, повысил голос:

— А вот перебивать меня, Георгий, не надо. Я прекрасно знаю, что представляет собой четвертая застава, ее начальник капитан Волков, заместитель старший лейтенант Логрин, старшина, техник и практически весь личный состав. Известны мне и боевые возможности заставы. В том числе и отсутствие средств радиотехнической разведки. Но... повторяю, вся информация по заставе и отряду относится к прошедшим суткам, а гарантии, что у пограничников ничего не изменилось, у нас нет

и быть не может. Посему — посмотреть, оценить все! Понятно, Георгий?

— Понятно, господин Баршан.

— Передав мне доклад, наверх обратно не подниматься, оставаться на линии границы, при необходимости организовать наблюдение за постом, не сближаясь с ним до опасного расстояния прямой видимости. Наряд может и не знать о «коридоре», и скорее всего не знает, лишь имеет приказ не покидать пост и не реагировать на происходящее в ущелье. Пограничников наверняка проинструктировали, что из Грузии будет возвращаться российское спецподразделение либо перемещаться группа гражданских лиц — беженцев. При таком раскладе появление посторонних у поста не предусматривается, а значит, если засветитесь, то наряд может и огонь открыть.

Станадзе покачал головой:

— Господин Баршан, не говорите со мной как с новичком, впервые вышедшим на проход границы. Вы упрекнули меня, что я перебиваю вас, предупредив, что этого делать не надо, позволю и вам заметить: не вмешивайтесь в ту работу, за исполнение которой полностью несу ответственность я.

Баршан рассмеялся:

— А ты, проводник, ершистый, горячий. Впрочем, как и любой грузин. Хоп, я не вмешиваюсь в твою работу, а ты делаешь ее так, чтобы переход прошел без проблем.

— Да, господин Баршан.

— Тогда бери людей и в разведку.

— И вновь вынужден заметить, ваши люди мне не подчинены.

— Ох, Георгий, знал бы, что злопамятен, то запросил бы другого проводника.

— Другого вам не дали бы.

Баршан сплюнул на камни, повернулся к помощнику:

— Вали, выдели ему бойцов из дозора.

— Есть, господин Баршан.

Помощник отошел, вскоре вверх к вершине перевала ушла и разведка. Появился мужчина в натовском камуфляже, с небольшим кейсом, внутри которого находилась современная спутниковая станция. Пока Баршан говорил с проводником, он был в тени. Как только главарь остался один, подошел, спросил на русском, с заметным западным акцентом, языке:

— Проблемы, мистер Баршан?

— Вам-то что не отдыхается, мистер Тиллер?

С отрядом Баршана шел контролер заказчика террористических актов, офицер американской военной разведки, майор Смит Тиллер.

— Я задал вопрос, мистер Баршан, и жду ответа.

— Никаких проблем, сэр, — усмехнулся главарь, — я выслал вперед разведку.

— В этом есть необходимость?

Баршан посмотрел на американца:

— Странный вопрос. Кому, как не вам, профессиональному военному, знать, что разведка нужна везде и всегда при решении тех задач, что поставлены подчиненному мне отряду.

— Но, насколько мне известно, ваш шеф в Махачкале позаботился о безопасном проходе границы, отдыхе в ауле Бурнай и о дальнейшем перемещении с помощью главы семьи, в усадьбе которого разместится отряд, к столице республики.

Баршан кивнул:

— Это так! Знаете, мистер Тиллер, я, естественно, уважаю ваш боевой опыт и, несомненно, высокий профессионализм, однако смею напомнить, вы всего лишь контролер. А раз так, то занимайтесь, пожалуйста, своим делом. Контролируйте, как отряд войдет в Бурнай, встанет в доме Гайдара Макаева. Там же вы уточните и план переброски отряда в Махачкалу. Если ранее принятый не претерпел изменений. Оттуда же вы с господином Станадзе вернетесь в Грузию и поделитесь со своим боссом впечатлениями о нашей работе. А сейчас я советую вам отдохнуть. Второй этап перехода будет гораздо сложнее первого, и потребуются силы.

— О`кей, господин Баршан. Я услышал вас.

Американец прошел к дальнему валуну, где устроился на отдых. Его камуфляж, имеющий уникальную систему как утепления, так и охлаждения от мощного аккумулятора, позволял об-

ходиться в подобных условиях без использования кошмы и спальных мешков.

Разведчики вышли на связь через один час двадцать минут, в 23:35, используя новейшие японские портативные радиостанции малого радиуса действия, защищенные от перехвата и пеленгации.

— Санар! Я!

— Слушаю!

— Мы у линии.

— Что там?

— Все спокойно, но видимость немного ограничена.

— Пограничники?

— На посту.

— Вход в ущелье?

— Вход свободен, что в самом ущелье, не знаю, но если прикажете, пройдем дальше.

Баршан поправил:

— Не пройдем, а пройдет. Пошли в ущелье хохла.

— Хоп, как далеко следует пройти?

— Метров на двести по ущелью. Посмотреть, доложить, там и оставаться.

— Понял, выполняю.

— Выполняй!

Баршан отключил станцию.

Прилег на расстеленный ранее спальный мешок. У него еще осталось время для отдыха.

Получив указание Баршана, Станадзе подозвал к себе украинца Виктора Лупко. Тот подошел:

- Чего, Жора?
- Баршан приказал осмотреть ущелье и послать туда тебя.
- Так и сказал, пусть хохол осмотрит ущелье?
- Да, так и сказал.
- Ладно, пройду, посмотрю. Далеко идти?
- На двести метров.
- Двести, — прикинул Лупко, — это значит где-то триста шагов. Пройду, дальше что?
- Если все чисто, сообщаем по рации, выберешь укрытие и там будешь ждать подхода отряда, контролируя обстановку в ущелье.
- Понял. Вы тут остаетесь?
- Здесь, в кустах будем. Но, — Станадзе посмотрел на часы, — не больше часа, к 0:30 отряд должен сюда подойти. И двинемся к Бурнаю. До утренних сумерек должны быть в ауле.
- Раньше будем, если погранцы не перекроют путь.
- Это место не напрасно я выбрал. Здесь стык не только двух погранзастав, но и отрядов. А такой участок, как правило, контролируется слабо. Наряд четвертой заставы одного отряда, как и наряд первой заставы другого отряда, на тропу и вход в ущелье смотрят, конечно, но не особо внимательно. Надеются друг на друга.
- Это типа мы не увидим, соседи заметят?
- Что-то в этом роде. Но скорее: зачем нам лезть в опасную зону, если это могут сделать соседи? В общем, если идти осторожно, то пройти

можно. Главное, не засветиться перед отрядом восточного крайнего поста четвертой заставы.

— Почему? — спросил Али Казоев.

— Потому, что с начальством западного отряда ваш шеф, насколько мне известно, договорился о «коридоре», а вот с восточным отрядом нет.

— Мы прошли, не засветились, и отряд пройдет. Баршан — опытный воин, он не поведет людей скопом.

— Посмотрим. Но уйти обратно мы в любом случае сможем, закрыв пост. Помощь и поддержка подойти не успеют. А ночью и «вертушки» не полетят. Да, денег лишимся, но сохраним жизнь.

Лупко задумчиво покачал головой. Ему совсем не хотелось лишиться обещанного вознаграждения, на которое он в Украине не только особняк поднимет, но и дело крупное откроет. Лупко давно мечтал стать хозяином в своем селе. Построить животноводческий комплекс, купить элитных коров и жить с молодой женой в шикарном особняке на берегу Днепра. Тогда он и местным главой заделается. Ведь у сельчан нет дома работы, больше в города ездят, кто-то в Россию, кто-то на Запад. А тут работа на селе появится. И все проголосуют за него. И с властью высокой он найдет общий язык, как истинный патриот, воевавший против оккупантов на их территории, и для радикалов своим станет. А значит, делай что хочешь, никто не придерется.